

«Какая поразительная болезнь...»

В мягком, внушающем невольное уважение голосе сквозили безумный азарт и затаенная горечь.

«Столько времени прошло, а его тело всё еще сохраняет живительную силу».

«Если превратить это в тему для научной работы, мы непременно сможем...»

Ши Юйчуань уже слышал этот голос раньше, когда стоял у дверей кабинета 1. Он принадлежал Лу Чунфэну — тому самому человеку, чьё обличье принимал багровый силуэт, когда натягивал на себя чужую кожу.

— Н-но... учитель, эта тема... — робко попытался возразить Ван Бинь, но его тут же бесцеремонно перебили.

Лу Чунфэн нетерпеливо взмахнул рукой:

— Ты забыл, кто тебя прикрыл? Больше ни слова об этом. Зашивай его. Скоро парня нужно будет вернуть на место.

Молодой интерн явно хотел сказать что-то еще, но так и не решился открыть рот.

Гроб усопшего сиротливо примостился в самом углу операционной, поодаль от хирургического стола. Сам же Ши Юйчуань затаился под этим столом, внимательно вслушиваясь в разговор врачей. Едва заслышав шаги у двери, они с гробом инстинктивно бросились искать укрытие.

[Фу-у... Они опять сшивают труп.]

[Ой? А зачем они мажут швы лекарством?]

В отличие от Ши Юйчуаня, зажатого под столом, Гроб усопшего, хоть и был громоздким и темным, отлично сливался с тенями в углу. Оттуда ему было гораздо удобнее следить за происходящим.

По репликам Системы Ши Юйчуань без труда воссоздал картину. В этой довольно примитивной операционной двое врачей собирали по частям и сшивали изувеченное тело,

бережно обрабатывая швы лекарством.

Вспомнив их разговор и вид той уродливой, но абсолютно целой туши, которую он видел раньше, юноша пришел к странному выводу.

«Неужели тела этих пациентов способны... срастаться заново?»

Время тянулось медленно. Врачи наконец ушли, медсестра укатила каталку с телом Лу Вэня, и в операционной воцарилась глухая тишина.

Ши Юйчуань выбрался наружу и окинул взглядом забрызганный хирургический стол. На металле атели свежие, еще не остывшие капли.

— Лу Вэнь жив, — твердо произнес он.

Если они оказались внутри воспоминаний Лу Вэня, значит, у того было заветное желание. У мертвецов желаний не бывает.

[Да как так-то?!] — изумилась Система. — **[Его же буквально на куски порезали!]**

Ши Юйчуань покачал головой:

— Его кровь теплая.

К тому же секунду назад голова на хирургическом подносе едва заметно, судорожно втягивала воздух.

Судя по тому, что они видели у Кэ Чжэня и остальных, мутации пациентов зашли слишком далеко, однако ни одно из их желаний не касалось спасения собственной жизни.

— Иными словами, никто из них не думал, что вот-вот умрет. Вот почему их просьбы казались такими будничными.

Простые, незначительные желания рождаются лишь среди привычной рутины.

— Помнишь особое лекарство?

Черные наросты на телах мертвецов подозрительно походили на усохшие мутировавшие конечности выживших больных. Пациенты этой лечебницы использовались как... живые чашки Петри. Живые инкубаторы.

****[Чуань-чуань, моя логика тут бессильна...]**** — растерянно отозвалась Система.

В мире, где ее создали, любые эксперименты на живых людях карались по закону. Подобные бесчеловечные опыты считались деяниями сущих дьяволов.

— Это лишь гипотеза, ее еще нужно доказать, — Ши Юйчуань направился к выходу. — Попробуй как-нибудь перебраться к окну палаты 112 и жди меня там.

Им во что бы то ни стало нужно было исполнить волю Лу Вэня. Внутри Гроба усопшего лежала вторая половина камня иллюзий, любезно пожертвованная стариной Кэ. Оставив Системе указания, Ши Юйчуань подошел к двери и прильнул к щели, оценивая обстановку в коридоре.

Перед ним раскинулась самая обыкновенная больница.

Никаких жутких временных разломов и наслаивающихся друг на друга эпох, как раньше. Это был настоящий, подлинный мир Лу Вэня из его прошлого.

Несмотря на глубокую ночь, в коридоре пятого этажа горел яркий свет. То и дело мимо проходили медсестры и пациенты.

Заметив двух посетителей в штатском, неторопливо шагающих мимо, Ши Юйчуань решил больше не медлить. Выждав момент, когда внимание от операционной рассеется, он бесшумно выскользнул в коридор и одним резким движением свернул замок на двери соседнего кабинета 1.

Спустя пару минут по залитому светом коридору пятого этажа уже шел высокий темноволосый юноша в безупречном белом халате. На переносице у него красовались очки в тонкой золотой оправе, на шее покоился стетоскоп, а к груди был приколот аккуратный бейдж.

Держался он спокойно и отстраненно, вежливо кивая редким прохожим.

Несколько встречных пациентов невольно засматривались на его лицо, гадая, откуда в их больнице взялся настолько красивый доктор.

Вообще-то Ши Юйчуань залез в кабинет 1 лишь в поисках улики, но неожиданно обнаружил там новенький комплект врачебной формы. Одежда лежала прямо на рабочем столе, словно дожидаясь своего часа.

И сидела она на нем идеально, будто сшитая на заказ.

Черные строгие брюки плотно облегли стройные ноги, а ворот темной рубашки выгодно подчеркивал белизну ключиц. На пряжке ремня красовалась гравировка в виде полуприкрытого глаза — узор загробной жизни, в точности повторяющий клеймо на его ладони, разве что выполненный в антрацитово-черном цвете.

Как только он переоделся, на груди сам собой материализовался бейдж с надписью: «Интерн — Ши Юйчуань».

Ему выдали совершенно новую роль, пусть даже в медицине он не смыслил ровным счетом ничего.

«Новые правила?»

Ши Юйчуань сверился с настенными часами в коридоре и направился к лестнице.

Он без помех спустился до второго этажа, где его внезапно окликнули со спины.

Обернувшись, он увидел медсестру Цзинь Жоу. Лицо девушки так и просияло от радости.

— Доктор Ши! Надо же, а я думала, ваша смена уже закончилась.

— Угу, — коротко кивнул Ши Юйчуань, надеясь поскорее свернуть этот пустой разговор и спуститься вниз, чтобы встретиться с Системой.

Но Цзинь Жоу не собиралась его отпускать. Вместо этого она всучила ему увесистую стопку бумаг.

— Доктор Ван просил передать эти документы в кабинет директора. Отнесите, пожалуйста.

При упоминании Ван Биня в глазах медсестры промелькнула едва уловимая, девичья нежность.

До выхода оставался всего один лестничный пролет, но сюжет упрямо разворачивал его обратно на пятый этаж. Ши Юйчуань не рискнул нарушать сценарий и послушно забрал бумаги.

Тем более что папка была посвящена болезни разрастания.

«Но действительно ли это была обычная бактерия? Патоген, поражающий исключительно человеческий организм... Больше это походило на изощренное проклятие».

Цзинь Жоу заговорщически шепнула, что директор Чжан последнее время стал слишком

дотошным и постоянно лезет с расспросами. Но Лу Чунфэн и Ван Бинь были настолько поглощены своими изысканиями, что порой оставались в анатомическом театре на всю ночь, препарируя один труп за другим. Разговаривать с настырным начальством у них не было времени.

Поэтому отдуваться перед директором предстояло ему — коллеге-врачу.

— Хорошо, я отнесу, — натянув вежливую улыбку, ответил Ши Юйчуань.

Поднимаясь обратно на пятый этаж, он на ходу листал документы.

Это были исписанные от руки листы, но почерк разительно отличался от того, которым Лу Чунфэн заполнял медицинские карты в кабинете 1.

«Обнаружен новый вид бактерий, ранее не описанный ни в одном научном труде...»

«Первые этапы испытаний доказали их уникальную способность стимулировать регенерацию клеток...»

Записи велись на протяжении четырех или пяти лет. Поначалу опыты на растениях и мелких животных продвигались со скрипом, пока в один прекрасный день в исследованиях не наметился колоссальный прорыв.

А спустя три месяца после этого знаменательного события почерк в журнале резко изменился. Дальше писал Лу Чунфэн.

Ши Юйчуань быстро сопоставил факты, и в его голове сложилась цельная картина.

Ван Бинь наткнулся на уникальную бактерию, открытие которой могло перевернуть научный мир. Будучи простым студентом-медиком, он не имел доступа к передовым лабораториям, но и делиться славой ни с кем не желал, а потому вел исследования подпольно.

Однако скудные ресурсы не позволяли добиться нужного результата.

Если догадка Ши Юйчуаня верна, Ван Бинь, отчаявшись, решился на крайний шаг и перешел к опытам на людях, даже не позаботившись о безопасности.

Позже на Ван Биня донесли. От позорного трибунала его спас Лу Чунфэн.

Они спешно покинули мегаполис и перебрались в тихий городок Лососевого острова.

В дневнике директора Чжана черным по белому было написано: болезнь разрастания вспыхнула в округе сразу после приезда этих двоих.

Десятки тысяч ни в чем не повинных жителей городка Лососевого острова стали безмолвными жертвами их безумного научного триумфа.

На пятом этаже, прямо у дверей директорского кабинета, Ши Юйчуаня окликнул запыхавшийся голос:

— До-доктор Ши!

Он обернулся и холодно посмотрел на тяжело дышащего Ван Биня, который едва держался на ногах от усталости.

— Как... как хорошо, что вы еще не зашли.

Кое-как переведя дух, Ван Бинь протянул ему еще одну тонкую папку:

— Эту... эту тоже отдайте директору.

Ши Юйчуань скользнул взглядом по обложке — на сей раз все записи с первой до последней страницы были сделаны аккуратным, твердым почерком Лу Чунфэна.

Заметив неприкрытое отвращение на лице собеседника, Ван Бинь лишь горько усмехнулся:

— Вы... вы уже всё поняли, да?

Коридор вокруг них словно вымер — ни души.

Ван Бинь заговорил, и его сбивчивый рассказ почти во всем совпал с выводами Ши Юйчуаня, за исключением пары малозначительных деталей.

Доктор закатал рукав халата и показал свое запястье с маркировочным браслетом. Он сам был заражен болезнью разрастания. Чтобы добиться прорыва в исследованиях, Ван Бинь сознательно привил патоген самому себе.

Однако вскоре его обвинили во врачебной ошибке и подставили. В те годы он был лишь бесправным интерном, его доводы никто не желал слушать — руку помощи протянул лишь Лу Чунфэн.

Они бежали на Лососевый остров, объединив усилия. Именно Лу Чунфэн настоял на том, чтобы выпустить заразу за пределы лаборатории и заразить местных жителей для масштабных полевых испытаний.

Ближе к концу исповеди на глазах Ван Биня выступили настоящие слезы.

— Это я... я погубил весь город. Если бы я не нашел эти проклятые бактерии, здесь никто бы не пострадал. Я чувствую себя сущим дьяволом...

Он поднял на Ши Юйчуаня покрасневшие от слез глаза, в которых сквозило глубокое раскаяние:

— Доктор Ши... вы сможете меня простить?

Ши Юйчуань долго молчал. Ван Бинь уже приготовился услышать слова утешения, на его лице начала проступать облегченная, заискивающая полуулыбка, но юноша ровным, ледяным тоном произнес:

— Нет.

Это было лишь посмертное эхо памяти Лу Вэня, а настоящие жители Лососевого острова давно сгнили в могилах.

— Ты причинил зло не мне.

И у него не было ни малейшего права отпускать грехи палачу от лица замученных им людей.

Ши Юйчуань всучил папки обратно в руки опешившему доктору, развернулся и зашагал к лестнице.

Ван Бинь застыл на месте, ошеломленный такой непреклонной жестокостью. Он явно не ожидал, что его жалкое покаяние отвергнут без тени жалости. Вслед уходящему Ши Юйчуаню летел лишь его тихий, безумный шепот:

— Вы простите меня?.. Пожалуйста, скажите, что прощаете...

Спустившись на первый этаж, Ши Юйчуань миновал палату 113. Он бегло заглянул через стеклянное окошко в двери, а затем шагнул к соседней комнате и толкнул дверь палаты 112.

На больничной койке лежал Лу Вэнь — тот самый несчастный, чье растерзанное тело врачи только что кропотливо сшивали в операционной.

Его грудная клетка мерно поднималась и опускалась.

Он дышал. Он действительно был жив.

****[Обалдеть! Ну этот Лу Вэнь и живучий!]****

Из-под кровати с шумом выполз Гроб усопшего.

****[Ван Бинь над ним точно как-то поколдовал! Он же только что окочурился, а теперь опять тепленький!]****

Ши Юйчуань лишь нахмурился, пропустив мимо ушей восторженные вопли Системы. Он пристально разглядывал Лу Вэня, который сейчас больше напоминал бездыханный овощ.

— Но каково его желание?

Без этого им не видать билета на поезд. Но как узнать волю человека, запертого в собственном безмолвном теле?

Система поспешила выдать подсказку:

****[В системных примечаниях к его профилю сплошные приписки: «Умереть, умереть, умереть...»]****

Ши Юйчуань вздохнул. Эта сущность, призванная служить проводником между игроком и миром кошмара, за последнее время окончательно деградировала до уровня ездового животного и бездонного вещмешка.

«Он хочет умереть?»

Впрочем, это легко понять. Никто в здравом уме не захочет раз за разом проходить через мясорубку, воскресая лишь для того, чтобы снова оказаться на разделочном столе. Лу Вэнь был заперт в ловушке между жизнью и смертью, и самое страшное — он всё чувствовал и осознавал.

Его парализованное тело не могло выразить волю, а без искреннего желания пленника им не разорвать этот замкнутый круг.

Среди глухой ночной тишины из окон палаты 112 повалил густой, едкий дым. Вокруг не

раздавалось ни звука — соседние комнаты безмолвствовали, словно в больнице не осталось ни единой живой души.

Всполохи яростного пламени окрасили стены багровым.

Ши Юйчуань почувствовал, как мир вокруг него начинает стремительно осыпаться прахом, увлекая его прочь из кошмарных воспоминаний Лу Вэня.

<http://bllate.org/book/19751/2007405>